

Гидроним «Дунай» в севернорусских былинах

Дунай — это, как известно, вторая по протяженности (после Волги) река Европы. Ее по праву называют «интернациональной» рекой: она протекает по территории современных Германии, Австрии, Словакии, Венгрии, Хорватии, Сербии, Болгарии, Румынии, Украины и Молдовы.

Дунай тесно связан с историей славянства. Район Среднего Дуная часто определяют как место возможной прародины славян.

В VI в. праславяне продвинулись к дунайской границе Византии, и именно тогда, как считают исследователи, в процессе столкновения с иной культурой (византийской цивилизацией) могло произойти формирование общеславянского этнического самосознания.

Этимология гидронима «Дунай», как и многих других гидронимов, достаточно сложна, поскольку уходит корнями в общеиндоевропейскую древность, однако названия рек с корнем «Дунай» являются нередкими на территории расселения славянских народов (так, на территории Российской империи было несколько Дунаев, Дунаевцев и Дунавецев)¹. Важное значение реки Дуная в истории славян, а вследствие этого и распространенность наименования в славянском мире привели к общей популярности этого имени в славянском фольклоре.² В нашей статье мы рассмотрим бытование гидронима «Дунай» в севернорусских былинах.

Были проанализированы тексты былин, содержащиеся в академическом «Своде русского фольклора» (на данный момент изданы восемь томов серии «Былины» — они посвящены былинным традициям Печоры, Мезени, Кулоя, Пинеги и Пудогы). Кроме того, были рассмотрены старины, содержащиеся в классических собраниях русского былинного эпоса и еще не вошедшие в Свод русского фольклора: «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986. Т. 1. С. 552–553.

² Мачинский Д. А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 110–171.

1871 г.», «Беломорские былины, записанные А. Марковым», «Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским», «Былины Севера» (под ред. А. М. Астаховой).

В ходе анализа былин было выяснено, что в них рассматриваемый гидроним может использоваться как:

- 1) непосредственно наименование реки;
- 2) имя богатыря;
- 3) запев-рефрен или концовка былины.

В былинной Дунае-реке, без сомнения, прочитывается мифологическое начало. Наиболее часто Дунай-река встречается в сюжете «Дунай Иванович — сват», в нем эта река проистекает от крови главного героя былины — богатыря по имени Дунай. Уже в этом сюжете выявляется характеристика былинного Дуная как реки, связанной со смертью (подробнее на этом сюжете мы остановимся чуть позже в связи с Дунаем-богатырем).

Связь Дуная со смертью проявляется и в некоторых других сюжетах. Так, в пудожских записях былины «Добрыня и Алеша», в эпизоде, где Алеша Попович приносит жене Добрыни Никитича ложную весть о гибели ее мужа, чтобы потом самому жениться на ней, Алеша говорит, что Добрыня Никитич

Головой-то лежит он во ракитов куст<т>,

А ногамы-то да во Дунай-реку.

[Былины Пудог, № 112, ст. 33–34]

Во многих вариантах этого сюжета в других регионах есть мотив ложной вести о смерти Добрыни, но только на Пудогe место гибели богатыря локализуется на Дунае (на примере Пудог: среди всех 86 записей этого сюжета есть локализация места смерти Добрыни в 57, из них в 39 упоминается ракитов куст и в 6 — Дунай, остальные реки встречаются еще реже — Пучай 4 раза, Смородина и Днепр по 1 разу, море в 2 записях).

Таким образом, наиболее часто место смерти героя оказывается рядом с ракитовым кустом и/или с Дунай-рекой. Связка «ракитовый куст — Дунай-

река» обнаруживается и в одной из печорских записей былины «Михайло Потык» [Былины Печоры, № 260]. В ней змея просит Потыка спасти ее детей из горящего ракитового куста, потушив огонь водой из Дуная.

Семантика ракиты (народное название ивы) весьма интересна. Это растение нередко упоминается в фольклоре: вспомним известную детскую колыбельную песню (в ней говорится о волчке, который «потащит во лесок / под ракитовый кусток»), сказку «Буренушка» из сборника А. Н. Афанасьева («из гузённой кишочки» коровушки-буренушки, помощницы Марьи-царевны, вырастает ракитов куст, который помогает царевне найти свое счастье), некоторые варианты былины «Добрыня и Маринка» (Добрыня Никитич и Маринка «в чистом поле женилися, / Круг ракитова куста венчалися...») и др. Даже эти несколько примеров характеризуют ракиту как растение, наделенное особой семантикой, связанной с иным миром. Дунай-река, заменяя ракиту или выступая с ней в паре, берет на себя часть ее значения.

Связь Дуная со смертью можно увидеть еще в некоторых былинах, но уже не столь частотно, как в сюжете «Добрыня и Алеша»: в одной мезенской записи былины «Камское побоище» окаменение богатырей происходит, когда они пытаются перепрыгнуть Дунай [Былины Мезени, № 267]; в печорской былине о Дюке Степановиче [Былины Печоры, № 141] решающее состязание между Дюком и Чурилой Плёнковичем происходит именно на Дунае (Чурила не смог перескочить через Дунай и погиб).

Дополнительными примерами связи Дуная со смертью и печалью в фольклоре могут быть историческая песня «Похороны Стеньки Разина» [Рыбн., № 218; 2, № 59], баллада «Смерть княгини Михайловны» [Рыбн., № 216], в которых с Дунаем оказываются связанными смерти героев, а также протяжная песня «На чужой стороне» [Рыбн., № 58] (жалобы замужней дочери матушке). Близкой к последней является плач сестры Алеши Поповича, попавшей в татарский плен, из былины «Алеша освобождает из

пленасестру» [Марк., № 64]. Девушка в плаче обращается к своему «счастью», к своей «талани», и спрашивает:

Ты куды, талань, у меня деваласе?

Ты в темном лесу ли, в леси заблудиласе,

<...>

Во Дунай-реке лежишь ты камешком горячим,

По синю ли по морю плаваешь ли серой утицей?

[Марк., № 64, ст. 129–130, 133–134]

Таким образом, на материале севернорусских былин можно увидеть следы мифологического значения Дуная (связь со смертью) в представлениях славян.

Существуют также записи былин, в которых Дунай явно оказался по ошибке, заняв место другой эпической реки: в двух кулойских записях былины «Сорок калик» Дунай заменяет реку Иордан [Былины Кулоя, № 75 и 77]; в былине «Василий Буслаев» — реку Волхов [Гильф., № 141]; в былине о Дюке Степановиче — Днепр (герой просит благословения матери, чтобы отправиться в Киев в том числе для того, чтобы искупаться в Дунае [Марк., № 113]); в былине «Козарин» — реку, из-за которой приходят татарские рати [Былины Пинеги, № 88]. Эти примеры свидетельствуют о том, что Дунай четко осознавался как одна из эпических рек. Это видно и по поздней прозаической печорской записи 1940 г. былины «Илья Муромец и Батый» [Былины Печоры, Прил. VII-6]: богатыри отправляются собирать войско против Батыя, причем Илья Муромец ищет союзников по берегу Днепра, Алеша Попович — по Пучаю, а Добрыня Никитич — по Дунаю.

Помимо мифологических значений (Дунай и смерть) в былинах отразились и реально-географические представления о реке Дунае. Так, представление о Дунае как о западной реке, впадающей в море (а Дунай действительно впадает в Черное море), по-видимому, повлияло на формирование образа Дунайского моря. Именно из-за этого моря приезжает в

Киев в некоторых вариантах Соловей Будимирович, чтобы свататься к племяннице князя Владимира [Былины Мезени, № 151], [Гильф., № 68, 208]:

По морю морю морю синему,
По тому по морю по Веряйскому,
По тому по морю по Дунайскому,
Из-за того ли острова Кодольского
Бежит побежит тридцать кораблей.

[Гильф., № 208, ст. 1–5]

Еще одним примером связи реального Дуная с былинной географией можно назвать вариант былины о Дюке Степановиче, галицко-волынском богатыре [Рыбн., № 215]. В нем герой отправляется «от красного града от Волыница, / По привольной реке по Дунаеви» (ст. 1–2) в Киев. Конечно, по Дунаю никак нельзя попасть в Киев, однако Галицко-Волынская Русь действительно граничила с Дунаем.

Историческим напластованием намного более позднего времени можно считать деталь в одном прозаическом тексте о богатырях (запись 1975 г.) [Былины Мезени, № 267]. В нем говорится о том, что Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович были приглашены «за Дунай, своих там как кровных братьев освобождать тоже от нашествия» (ст. 72–73). На наш взгляд, формулировка об освобождении кровных братьев от вражеского нашествия может иметь прямое отношение к русско-турецким войнам XIX в. Именно тогда, как известно, Россия выступала за освобождение от османского ига южных славян и Дунайских княжеств — Молдавии и Валахии.

Перейдем к рассмотрению образа богатыря Дуная. Как показывает «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова, Дунай — это довольно распространенное древнерусское мужское имя (Н. М. Тупиков насчитал 9 человек с таким именем по сообщениям дошедших до нас русских письменных источников X–XVII вв.).

К имени былинного богатыря Дуная прикреплен сюжет «Дунай Иванович — сват» — о добывании героем невесты князю Владимиру. Невесту получает и сам богатырь, однако старина имеет трагическую концовку. В результате состязания с женой в меткости в стрельбе из лука Дунай попадает стрелой в жену, она погибает, и богатырь выясняет, что она ждала от него детей. Узнав об этом, Дунай бросается на свою саблю и умирает. Во многих записях былина заканчивается мотивом проистекания рек от крови супругов:

Где пала Дунаева головушка,
Протекала речка Дунай река,
А где пала Настасьина головушка,
Протекала речка Настасья река.

[Гильф., № 94, ст. 313–316]

Такой мотив встречается в былинах Мезени (7 записей), Кулоя (2 записи), Зимней Золотицы (1 запись) и Кижей (11 записей). Былина о Дунае является одной из самых популярных; всего известно более 100 ее записей. Исследователи видят в ней несколько важных исторических напластований: отражение борьбы славян с сарматами в первые века новой эры, до VII в. н. э. (Дунай — носитель славянского начала, Настасья — его жена-богатырка — олицетворение сарматских женщин-воительниц)³, а также реалий Московской Руси XV–XVI вв. (государственный подход к теме сватовства князя, отношения с Литвой, «домостроевские» представления о семейной жизни и т. д.)⁴.

Остановимся подробнее на мотиве происхождения рек от тел умерших супругов. Он встречается в 22 записях былины в нескольких версиях:

- от крови обоих супругов (или только Дуная) протекает Дунай-река (или речка Дунаевка [Былины Мезени, № 119]) (в 4 записях);

³ Балашов Д. М. «Дунай» // Русский фольклор. Л., 1976. Т. 16. С. 95–114.

⁴ Смолицкий В. Г. Былина о Дунае // Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965. С. 109–131.

- от богатыря Дуная протекает Дунай-река, а от его супруги — Настасья-река (варианты: Настасьи́на река, река Черная) (наиболее частотный случай: в 11 записях из 22); (причем название «река Черная» может поэтично обыгрываться: «Где пала лебедь белая [имеется в виду Настасья], тут протеки река Черная» [13, № 139];

- от Дуная протекает Дунай-река, а от его жены образуются крутые берега [Былины Мезени, № 114];

- от Дуная протекает Дунай-река, а от его жены вырастает кипарисное дерево [Былины Мезени, № 126];

- от Дуная протекает Дунай-река, а от нерожденного младенца вырастает ракитов куст [Былины Мезени, № 127];

- есть также вариант, в котором мифологический элемент отсутствует, герой бросается в уже существующую реку, и от его имени она получает название [КД, № 11].

Наибольшей разработанностью отличается мотив образования двух рек от тел героев. Иногда подчеркивается, что эти реки сначала «расходятся», а потом «сходятся» [Былины Мезени, № 131], [Рыбн., № 9; 84]. Особенной выразительностью обладает этот мотив в записи от Терентия Иевлева (Киж). В его былине Дунай-река и Настасья-река протекают в разные стороны: Дунай — к Киеву, а Настасья — к литовскому королю, однако потом реки «встречаются» и на месте их слияния вырастают кипарисные деревья — известные символы смерти и одновременно вечной жизни [Рыбн., № 71].

От Настасьюшки протекала Настасья-река,

Река быстрая ко королю ко литовскому;

От Дунаюшки протекала Дунай-река

Ко городу ко Киеву.

Тут-то они вместечко стекались,

Тут выросло два деревца кипарисных,

Два деревца вместе сплетались,

Тут на листах было подписано:

«Таково дело случалосе —

Молодым людям на удивление,

А старым людям на утешеньице».

[Рыбн., № 71, ст. 233–243]

Таким образом, в былине «Дунай Иванович — сват» наименование реки объясняется именем героя. В. Ф. Миллер считал, что перед нами пример сказания о происхождении рек, «прикрепившееся к личному имени вследствие того, что последнее совпало с именем реки»⁵. Однако, вероятно, и само имя богатыря — Дунай — славянское и нехристианское, могло восходить к наименованию реки, столь важной в истории славян. Поэтому не исключено, что здесь мы имеем дело с двунаправленным процессом: с одной стороны, личное имя «Дунай» хранит в себе память о славянской реке, а с другой, в былине такая связь уже не осознается и теперь название реки выводится из имени героя.

Кроме того, «Дунай» может функционировать в былинах в качестве запева-рефрена или концовки былины. Запев-рефрен в общем не характерен для русского героического эпоса. Он является принадлежностью скорее эпоса комического. Например, в скоморошине «Вдова и три дочери» [Былины Пинеги, № 101, 101а] запев «Тпрунды-Тпрундай и Здунай-най-най» повторяется несколько раз; в рождественской величальной песне «Здунай» припев «Здунай» повторяется после каждого стиха [ММБ, № 43].

В собственно героическом эпосе среди рассмотренных нами былин единожды была обнаружена переходная форма между полностью десемантизированным элементом и элементом, несущим смысловую нагрузку:

А-й из-за Дону-Дону, Дунай-Дунай,

Поднимался вор-собака Кудрёванко-царь.

[Былины Кулоя, № 28, ст. 1–2, сюжет «Камское побоище»]

⁵ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1897. [Т. 1.] С. 134.

Здесь слова «Дунай-Дунай», с одной стороны, связаны по значению со словами «из-за Дону-Дону», а с другой, они не несут смысловой нагрузки: смысл песни понятен и без них, но благодаря им формируется своеобразный ритмический рисунок стиха.

Что же касается концовки былины, в которой может упоминаться Дунай, то она, в отличие от рассмотренного выше примера, не связана ни с ритмикой былины, ни с ее смыслом. Роль такой концовки — поставить красивую «точку» в повествовании сказителя. Мы можем назвать сказителей, в репертуаре которых наличествует «концовка с Дунаем». На нашем материале она имела место в исполнении пудожских сказителей Андрея Пантелеевича Сорокина (в 10 текстах), Ивана Фепопова (1 текст), Потапа Трофимовича Антонова (1 текст), водлозерского певца Савелия Кузьмича Панова (1 текст), кенозерских старинщиков Ирины Денисовны Калитиной (2 текста), Ирины Андреевой (2 текста), Ивана Михайловича Кропачева (1 текст), Степана Ильича Максимова (1 текст), а также исполнителя, известного как «Калика из Красной Ляги» (Каргополье) (3 текста). Таким образом, «концовка с Дунаем» характерна для компактного региона Пудож-Водлозеро-Кенозеро-Каргополь.

В основном концовка звучит как «Дунай, Дунай, / Боле век не знай!» или «А Дунай, Дунай, Дунай, / Да боле петь вперед не знай» (имеются и промежуточные варианты). Оригинальна концовка в старине Ивана Михайловича Кропачева, который имел прозвище Лядков: «Да Дунай, Дунай да Лядков боле петь не знай!» [Былины Пудогги, № 261]. Была обнаружена также концовка, представляющая собой «диффузию» между лишенным смыслового содержания восклицанием «Дунай!» и наименованием былинного богатыря:

Здуниной Дунай сын Иванович Дунай,
Сын Иванович Дунай, про то дело не знай.

[Гильф., № 68, ст. 213–214]

Таким образом, рассмотренный нами материал демонстрирует этапы развития слова-образа «Дунай», изначально гидронима, в русском эпосе:

1. Формирование образа Дунай-реки как реки сакральной, связанной со смертью, относится к отдаленным временам общеславянского единства (первые века новой эры, до VI–VII вв.).

2. Сюжет былины «Дунай Иванович — сват» свидетельствует о том, что наступают времена, когда забывается сакральное значение реки Дунай и начинает возникать вторичная этимология, то есть не имя богатыря Дуная объясняют названием реки, а гидроним выводится из личного имени собственного.

3. К временам Киевской Руси и раздробленности можно отнести формирование представления (вполне реалистичного) о Дунае как о реке, расположенной на западе (отсюда связь Дуная в одной из былин с Галицко-Волынским княжеством, расположенным на западе территории русских княжеств), а также представление о Дунае как о реке, связанной с морем (возникновение образа Дунайского моря).

4. Напластованием XIX в. можно назвать представление о Дунае как месте, где живут «братья» (братья-славяне), которых надо освобождать.

5. Отдельно формируется запев-рефрен и концовка былин, в которых упоминается Дунай. Изначально, вероятно, такие рефрены и концовки были связаны с сакральным значением Дуная, однако на момент активной записи былин (XIX–XX вв.) они воспринимались прежде всего как средство создания особой ритмики стиха (запев-рефрен) или красивого и оформленного завершения старины.